

Глава 5. Феномен вторичного политогенеза и параполитейность в предколониальной Африке*

Попов В. А.

Вводные замечания

Под политогенезом обычно понимается процесс становления политической организации постпервобытного общества (определение политогенеза см. также в главе 1). Государство рассматривается как высшая стадия развития политической организации, а генезис государства (государствогенез) может осуществляться в результате действия факторов внутреннего развития и под внешним воздействием уже сформировавшихся государств, что вполне закономерно в условиях асинхронности темпов исторических процессов (см. также главы 4 и 18, в последней идет речь о разных эволюционных типах государственности). В связи с этим различают первичный и вторичный политогенез, первичные и вторичные государства.

Глава будет посвящена специфике вторичного политогенеза, выявлению и характеристике факторов генезиса и исторической динамики вторичной государственности. Отправной точкой исследования станет уже обоснованный в предыдущих работах автора вывод о том, что основной механизм возникновения вторичных политических образований заключался в монополизации руководящим слоем организационно-хозяйственных функций, то есть права на редистрибуцию.

Данная глава будет состоять из трех разделов. Первый из них будет посвящен локальным и региональным предпосылкам для вторичных политогенетических процессов, при этом акцент будет сделан на сетевые структуры, сложившиеся, в частности, в Тропической Африке в доколониальный период (прежде всего «общности по джаму» у народов Западного Судана) и способствовавшие появлению единых социально-коммуникативных пространств, сопоставимых с локальными цивилизациями. Основным структурообразующим принципом организации сетевых сообществ является родство (реальное или искусственное/фиктивное), поскольку только матрицы родства способны выразить как иерархические, так и горизонтальные отношения, причем номенклатуры родства отражают не только родственные, но и половозрастные взаимоотношения. Другими словами, родство оказалось универсальным механизмом для создания сетевых структур, на базе которых возникли и развивались вторичные политические образования типа параполисов и так называемых вторичных племен.

---

* Настоящая глава в какой-то мере дополняет главы 1–4.

Предметом рассмотрения второго раздела главы станет теория парapolитейности (государствоподобности) как результата вторичного политогенетического развития, когда происходит опережающее развитие высших иерархических уровней управления и создается возможность для появления особого – парapolитического – состояния потестарных организмов, в которых политогенез так и не завершился образованием государства (см. также главу 4).

В третьем разделе предполагается исследовать вторичные племена, сформировавшиеся в синполитейных первобытных обществах в условиях межформационного взаимодействия с более развитыми соседями, особенно под влиянием европейских буржуазных обществ в эпоху Великих географических открытий и в Новое время. Такие вторичные племена, как правило, трансформировались в парapolитейные общества – неустойчивые образования, воспроизводившие формы европейских политических структур. Рассмотрены будут и племена-конструкты, созданные в колониальный период во многих колониях европейских держав, практикующих косвенное управление, как инструмент колониального администрирования (на примере игбо в Нигерии и «племен» Танганьики). Таким образом будет проверена гипотеза М. Фрида о вторичности племени как потестарного организма (см. также главу 3).

Вторичное государствообразование и парapolитейность

Влияние первичных государств могло быть не только прямым, когда происходит непосредственное заимствование отдельных институтов или структурных принципов организации, но и опосредованным (путем политического и экономического давления на «варварскую» периферию или через внешнеориентированный обмен типа трансатлантической работорговли и караванной торговли на дальние расстояния).

Необходимость разграничения первичных и вторичных государств впервые обосновал М. Фрид в 1960 г. (Fried 1960). Однако до сих пор нет серьезных теоретических исследований феномена вторичной государственности. Только Б. Прайс наметила ряд предварительных подходов к классификации вторичных государств (Price 1978). В то же время Г. Классен и П. Скальник полагают, что и первичные и вторичные государства развиваются аналогичными путями (Claessen, Skalnik 1978). Р. Коэн также считает, что они существенно не различаются в процессах государствообразования (Cohen 1985: 277), хотя вторичный (стимулированный) политогенез в отличие от первичного (спонтанного), как правило, опережает классогенез и тем самым стимулирует его завершение. Иными словами, если для первичного государствообразования определяющим фактором был классогенез, то для вторичного – политогенез. Основной путь возникновения вторичных политических образований и вторичного классогенеза лежал через монополизацию руководящим слоем организационно-хозяйственных функций, то есть права на редистрибуцию (Попов 1993: 143).

Естественно, возникает вопрос о правомерности обозначения таких переходных политических организмов термином «государство». Думается, что они нуждаются в описании и воспроизведении их сущности с помощью системы особых категорий. Данная проблема эта уже ставилась и обсуждалась в специ-

альной литературе, в частности, были подвергнуты критике расплывчатый термин «государственное образование» и его еще более неопределенный вариант – «раннегосударственное образование» (Томановская 1973: 282). Однако предложенный термин «варварское королевство» (Там же: 281–282) вызывает вполне определенные ассоциации с европейским материалом раннего Средневековья. Конструкции определений с использованием слов типа «аналоги» тоже не спасает ситуацию.

Что касается категории «раннее государство», то создатели концепции раннего государства исходят из расширительного толкования понятий «государство» и «класс», что лишает их категориальной однозначности. Они рассматривают раннее государство как предклассовый институт или же как политическую организацию таких классов, которые не являются антагонистическими, а состоят в отношениях взаимовыгодного сотрудничества, то есть фактически они принимают теорию социального контракта Э. Сервиса, обосновывающую «обмен»; видами деятельности между управляющими и управляемыми и их «взаимную» эксплуатацию. К тому же все обычно перечисляемые признаки раннего государства (Claessen, Skalnik 1978: 21, 586–588, 640) неспецифичны и вполне приложимы и к развитому государству, а единственный признак, выражающий специфику именно раннего государства – социальная стратификация на два формирующихся класса, управителей и управляемых, – характеризует общество, а не государство, как организацию для регулирования социально-политических отношений.

Весьма показательны также, что наиболее активный сторонник концепции раннего государства среди российских историков Н. Б. Кочакова признает, что все ранние государства доколониальной Тропической Африки являлись по сути вторичными, поскольку сформировались под воздействием внешних факторов, в том числе трансатлантической работорговли (Кочакова 1995: 196). Поэтому вполне естественно, что в них политогенез опережал классовообразование и могли возникнуть государства без классов.

Как мне представляется, более логичным и методологически обоснованным было бы оставить за понятием «государство» его трактовку как политической организации экономически господствующего класса («зрелое государство», «государство в полном смысле слова») и не увлекаться терминоворотом с применением уточняющих прилагательных типа «раннее», «зарождающееся», «административное», «политическое», «социально-экономическое» и т. п., а разрабатывать новые категории. Так, формирующиеся вторичные политические образования могут быть названы парapolитейными (парагосударственными, квазигосударственными) в противоположность политейным организациям, имеющим сложившуюся государственность. Конкретные формы реализации парapolитейности могут называться парapolисами (парагосударствами). Следует подчеркнуть, что категория «парapolис» особенно предпочтительна для тех синполитейных обществ, в которых политогенез так и не завершился образованием государства, но длительное время существовало особое – парapolитейное – состояние социальных организмов (потенциально государственное [Роров 1988: 3–11]).

Параполитейность и вторичная государственность в предколониальной Африке

У аканов Золотого Берега, как и у большинства других этнических общностей гвинейского побережья Западной Африки, с середины XVI в. до начала XIX в. происходил интенсивный процесс возникновения, консолидации и трансформации множества раннеполитических образований. Большинство из них представляли собой вождества или конфедерации вождеств, являвшиеся довольно непрочными военно-политическими союзами без специализированного аппарата управления. Некоторые этнополитические организмы (ЭПО) аканов – Денчира, Акваму, Аквапим – достигли стадии централизованных вождеств с рядом зависимых ЭПО (данников). Одновременно развивался процесс создания сравнительно небольших союзов вождеств (Джаман, Ачем-Абуаква) с тенденцией к военно-территориальной организации внутренней структуры и централизованным механизмом по управлению ЭПО-данниками (подробнее см.: Попов 1990а: 109–118).

По-видимому, те же стадии прошел до середины XVIII в. и ЭПО ашантийцев (Асантеман) – самый крупный и самый известный из аканских. Вначале это был временный союз пяти вождеств (оманов), созданный правителем Кумаси для борьбы с Денчирой, обложившей эти оманы данью. К середине XVIII в. Асантеман уже представлял собой сравнительно стабильную конфедерацию с единой военно-территориальной организацией и большим числом данников. Наконец, во второй половине XVIII – начале XIX в. происходило становление Ашантийской державы, состоявшей из конфедерации собственно ашантийских вождеств (аманто), протекторатов (амансин), данников (амантеасе) и Кумаси – уже не столько одного из вождеств-аманто, сколько особого политического организма – центра мощной державы, больше связанного централизованным управлением с амансин и амантеасе, чем с аманто.

Что же представляла собой Конфедерация Ашанти в предколониальный период – с начала XIX в. до последней четверти столетия? В отечественной и зарубежной литературе Конфедерация Ашанти безоговорочно определяется как государство (королевство). Разнобой наблюдается только в характеристике формы – в плане унитарности/федеральности. И если П. Ллойд пишет об Ашанти как о редком примере африканской федерации (Lloyd 1968: 82), а Я. Вансина даже считает Конфедерацию Ашанти единственным ясным примером федерации в Тропической Африке (Vansina 1964: 257), то А. Саутхолл относит Асантеман к сегментарным государствам (Southall 1953: 255). С последним мнением трудно согласиться, поскольку сегментарность предполагает самостоятельность отдельных сегментов. Но Конфедерация Ашанти, несомненно, была более сложным образованием. Это была система, то есть целое, которое больше суммы составляющих ее компонентов. Другими словами, она обладала новым качеством, не свойственным отдельным ее компонентам (в силу закона аддитивности). Судя по имеющимся материалам, аканские оманы также нельзя отождествлять с сегментарными структурами. Признаки сегментарности обнаруживаются только на уровне общинных и родовых институтов.

Ш. Айзенштадт определяет Конфедерацию Ашанти как федерацию централизованных вожеств (Eisenstadt 1959: 211). Близкую позицию обосновывал и автор данной главы, определяя Конфедерацию Ашанти как «союз племен, аналогичный Лиге ирокезов, Конфедерации криков, Союзу гурунов и т. п. надплеменным образованиям, характерным для второго этапа эпохи классового образования и становления государства» (Попов 1982: 144). При этом подчеркивалось наличие некоего синдрома государственности, однако специального исследования специфики максимального ЭПО ашантийцев не проводилось. Сопоставление же структуры и функций Конфедерации Ашанти предколониального периода с понятием «государство» дает следующие результаты.

1. Ашантийское общество дифференцировалось на три устойчивые социальные группы: знать, свободных и полноправных общинников, зависимых и неполноправных невольников (включая кабальников). Такая социальная стратификация, основанная на принципах знатности и инфериорности, весьма характерна для переходной стадии от первичной формации ко вторичной. Знатные, свободные и зависимые у ашантийцев – это, скорее всего, социальные слои, а не архаические сословия или протоклассы, так как еще не возникло право индивидов по рождению занимать какое-либо положение или должность, хотя и появилась некая иерархия статусов, получаемых по наследству (прежде всего это относилось к прямым потомкам верховных правителей). В зависимости от конкретных обстоятельств ашантиец мог превратиться в невольника (кабальника) или, наоборот, оказаться наследником высокого статуса и должности, поскольку и знать, и рядовые общинники были еще организованы в одни и те же социально-родственные институты, имевшие корпоративную природу. (Практически все социальные отношения у ашантийцев строились по модели родственных и обозначались терминами родства, то есть осмыслялись в категориях, характерных для доклассового уровня развития.) Не было, естественно, и различного отношения социальных слоев к средствам производства – определяющего признака классового общества.

2. Административно-территориальное деление как таковое в Конфедерации Ашанти еще не возникло. Правда, наблюдались некоторые сдвиги в сторону зарождения территориально-политического деления, так как омань объединялись в своего рода «военные округа» – единицы традиционного боевого порядка. Однако эти «округа» еще не перекраивали традиционных (естественных) границ.

Аналогичное толкование можно дать и фактам создания асантехене (верховным правителем Асантемана) Осеем Бонсу (1800–1823) специального ведомства по административно-территориальному управлению данниками и разделению всех амансин на несколько зон, а также появлению института адамфо – посредников, назначаемых асантехене для осуществления регулярных контактов с правителями оманов (оманхене), – некоего прообраза территориальных вождей.

3. Тенденция к централизации власти в руках асантехене и к бюрократизации потестарного аппарата Асантемана нашла свою реализацию в реформах Осея Коджо (1764–1777): создание Совета Котоко (своего рода кабинета министров), специализация ряда управленческих функций, попытка ввести прямое управление данниками через назначаемых резидентов. Осей Бонсу пошел еще

далее, создав абан – «правительство», состоявшее из трех основных ведомств (административного, хозяйственного и международного), и укрепив связи с амансин посредством института «кураторов» из числа кумасийских военных вождей, а также с помощью адамфо. Тот факт, что оманхене категории аманто вынуждены были общаться с асантехене и Советом Асантемана через адамфо ясно говорит о следующем: кумасихене уже перестал быть первым среди равных и возвысился в качестве верховного правителя.

Но самым серьезным аргументом следует признать появление прослойки служилой знати и тенденцию к замене ею родоплеменной верхушки. Передача власти назначаемым вождям, несомненно, должна была способствовать укреплению целостности ЭПО, в то время как наследственный характер родоплеменной знати, препятствующий замене оманхене верховным правителем по своему усмотрению, ослаблял зависимость отдельных оманов от асантехене и способствовал сепаратизму. Не случайно во многих обществах Тропической Африки новая знать формировалась на иной – прежде всего внеродовой – основе: верховные правители стремились выйти из-под контроля традиционных социально-родственных институтов, опираясь на лично зависимых клиентов, но, пожалуй, только в Буганде XIX в. все посты оказались назначаемыми. Новая знать, следует отметить, также стремилась утвердиться в своем праве наследственной передачи статуса, что у ашантийцев привело к воспроизводству родственных связей, но уже на другой основе – на базе патрилигерального, а не традиционного матрилигерального счета родства.

В целом попытки заменить или только потеснить традиционную знать аманто не увенчались успехом. Монополия на власть не перешла к новой знати и реформы не были доведены до конца, хотя на уровне конфедерации потестарный аппарат состоял преимущественно из представителей служилой знати. В категориях системного подхода это была попытка целого повлиять (в интересах интеграции) на составляющие его компоненты, однако компоненты оказали на целое большее воздействие.

4. Налогообложения с заранее установленными размерами и сроками поступления в Конфедерации Ашанти не было. Центральный потестарный аппарат в Кумаси получал средства на свое содержание за счет даней, патронажных вознаграждений и других традиционных сборов и поборов, а также от торговли и военных грабежей и контрибуций. В то же время дани постепенно превращались в примитивный налог с оманов, о чем свидетельствует специфика ежегодного праздника Оджира, во время которого взимались дани, а также появление специализированного аппарата для сбора и учета даней, который постепенно трансформировался и превращался в основу налоговой системы. Уже одно то, что произошла специализация именно этой функции, свидетельствует в пользу становления регулярного налогообложения (ср.: Куббель 1987: 7).

5. Специализированные институты принуждения у ашантийцев еще не сложились, а ведь именно самостоятельность функции принуждения является самым объективным показателем наличия государственности. Вместе с тем, хотя принуждение как особая функция руководства и управления еще не выделилось и среди должностных лиц Конфедерации Ашанти никто не специализировался

на отправлении только этой функции, тенденция к появлению принудительного аппарата уже была и реализовывалась в деятельности особого отряда телохранителей, глава которого выполнял в абане обязанности своего рода министра внутренних дел и контролировал положение в амансин и амантеасе, в том числе подавлял попытки восстания и отделения данников.

В этом можно усмотреть корреляцию с методами эксплуатации, когда центральный аппарат управления Асантемана уже выступал в роли машины угнетения, но только по отношению к объектам внешней эксплуатации. Внутри же Конфедерации Ашанти необходимость в принуждении еще не возникла – для гарантированного процесса редистрибуции достаточно было идеологической власти. Поэтому и суда как особого органа и других потестарно-нормативных институтов тоже не было; их функции выполнялись вождями и советами старейшин всех уровней, то есть наблюдалась нерасчлененность властно-управленческой и судебно-полицейской функций.

Не было еще и законодательства как кодифицированного права, вся общественно-политическая жизнь регулировалась обычным правом и морально-этическими нормами, то есть налицо преобладание первобытной мононорматики. Вместе с тем обычное право было довольно развитым к началу колониального периода, что позволяет квалифицировать его как предправо, ибо возникли уже неперсонифицированные обязательные нормы поведения, закреплявшие социальные роли, были определены и градуированы санкции за нарушение этих норм, в том числе и принудительные (см.: Синицына 1985; Черных, Венгеров 1987).

Армии как таковой в Асантемане тоже не было. Ашантийское войско состояло из рядовых общинников. Но уже появились отряды телохранителей – своеобразной дружины при асантехене и оманхене, для которых война стала основным и даже единственным занятием.

6. При отсутствии принуждения силой основным механизмом укрепления власти и авторитета верховного правителя являлась сакрализация, причем не самой конкретной персоны, а должности и функции. Сакрализация закрепляла представление об асантехене как обладателе особой магической силы и других сверхъестественных способностей, которые позволяют ему активно воздействовать на все процессы в природе и обществе и тем самым гарантировать процветание всего ЭПО. Такой стереотип закреплялся в общественном сознании и мировоззрении с помощью ритуализации основных общеашантийских действий (прежде всего ежегодного праздника Оджира в Кумаси), символики общеашантийского единства (Золотой трон асантехене, зонтик Асантемана и др.) и атрибутов власти верховных правителей (меч, жезл и др.), культа предков асантехене (как тенденции к созданию культа самого верховного правителя). В результате сам асантехене превратился в главный сакральный символ политического единства (ср.: Куббель 1987: 9–10).

В совокупности все это оказывало достаточно эффективное психологическое воздействие на поведение подданных асантехене и по своему характеру и сути в целом приближалось к принуждению, поскольку формировало такое сильное

эмоциональное чувство, как страх, то есть использовалось психологическое принуждение.

7. Идеологическая надстройка ашантийского общества довольно слабо отразила динамику политогенетических процессов. Доминировали элементы мировоззрения развитой первобытности (полидемонизм, культ предков, ведовство). Разумеется, сказывался общий консерватизм мировоззренческой сферы, которая с известным опозданием реагирует на изменения в обществе. В то же время можно заметить определенные сдвиги в качестве реакции на устойчивые изменения в потестарно-политической сфере.

Прежде всего, в качестве предков рассматривались уже только умершие вожди и старейшины, а также наблюдалась иерархизация сверхъестественных образов как отражение процесса расслоения в реальном обществе. Однако духидемоны и даже верховное сверхъестественное существо Ньяме еще не превратились в великих богов, правящих миром подобно земным владыкам. Нет еще и покровителей отдельных социальных слоев и профессий, хотя появились покровители конкретных социальных организмов (общин, вождеств) и они уже антропоморфизировались, как и многие мифологические образы.

Что касается собственно мифологии, которая, как известно, выполняет нормативно-информационные функции, то у ашантийцев она достигла достаточно развитых форм, поскольку наряду с мифами о происхождении человека возникли циклы теогонических и космогонических сказаний.

Кроме того, появились жрецы, хотя следует подчеркнуть, что жреческая прослойка была сравнительно слабой и многие функции посредников со сверхъестественным миром по-прежнему выполняли вожди.

В итоге к началу XIX в. в Конфедерации Ашанти сложились единая военно-политическая организация, единая система обмена и единый механизм реди-трибуции, а также сформировался центральный аппарат управления. По мере отчуждения функций управления и концентрации их у специальных должностных лиц, составивших особую прослойку знати, происходил процесс перерождения потестарной системы в политическую, когда отношения руководства/подчинения получили тенденцию к превращению в отношения господства/угнетения. И хотя управленческая машина еще не превратилась окончательно в машину угнетения, поскольку репрессивно-карательная функция была направлена вовне, потенциально она уже была подготовлена к применению силы и в отношении собственно ашантийцев.

Следовательно, вполне подтверждается вывод о наличии синдрома государства, но ряд отмеченных особенностей Конфедерации Ашанти и ашантийского общества (прежде всего отсутствие классов) не позволяют отождествить максимальный ЭПО ашантийцев с государством в марксистском понимании этой категории. Кроме того, смущает и явное несоответствие политической надстройки Конфедерации Ашанти экономическому базису – она слишком развита для выполнения хозяйственно-организационных задач в традиционном мотыжном земледелии (подсечно-огневого типа) и соориентирована в основном на выполнение координационно-регулирующих функций в военной и торговой сферах. Иными

словами, наблюдались обособление хозяйственно-организаторских функций от собственно производственных задач и опережение темпов специализации в материальном производстве, в котором даже ремесло не отделилось от земледелия и существовали весьма зачаточные формы обмена продуктов традиционного хозяйства (подробнее см.: Попов 1990а: 170–188). Опережающее развитие высших иерархических уровней социально-политического управления приводит в итоге к гетеростадиальности различных уровней ЭПО. Следовательно, возможно появление феномена государственности без антагонистических классов и частной собственности на средства производства. Следует подчеркнуть, что тезис о возможности появления государства в доклассовом обществе довольно широко распространен среди отечественных исследователей, особенно востоковедов и африканистов. Так, еще Л. Е. Куббель отмечал зачаточные формы государственно-политической организации в средневековом Западном Судане задолго до завершения процесса сложения общественных классов (Куббель 1968: 171–172), а Э. С. Годинер рассматривает Буганду в качестве государства без частной собственности и классов и очень четко формулирует возможность асинхронности классогенеза и политогенеза: «Государство... законный продукт общественного разделения труда и отношений эксплуатации – способно появиться и существовать в своих первых элементарных формах без частнособственнической основы» (Годинер 1982: 36). Д. М. Бондаренко весьма жестко формулирует, что существование «государства без классов» не только возможно, но и необходимо на определенном этапе исторического развития того или иного социального организма (Бондаренко 1991: 142).

Другими словами, приведенные суждения фактически опровергают постулат о невозможности неклассового государства и о синхронности классообразующих и политогенетических процессов, и возникает явление, названное мною политогенетической контроверзой (Попов 1986; подробнее см.: Роров 1988; Попов 1990б).

Ашантийцы, как и другие аканы Золотого Берега, развивались на протяжении почти трехсот последних лет доколониального периода в условиях опосредованного, но постоянного воздействия классовых обществ Западной Европы (преимущественно в форме торговых контактов), а Конфедерация Ашанти представляет собой один из вариантов становления вторичной государственности, чем и объясняется ускоренное формирование парapolитейной надстройки, не соответствующей экономическому базису и вступающей с ним в противоречивые отношения. Торговые связи с более развитыми европейцами (особенно в период работорговли) способствовали преимущественному развитию военно-торгово-организаторских функций и монополизации их в руках правителей и знати, поскольку именно им принадлежала привилегия на владение главными предметами обмена (рабы, золото, слоновая кость, орехи кола), а также право на перераспределение добычи, захваченной путем военных грабежей. Однако следует подчеркнуть, что процесс вторичного политогенеза в Конфедерации Ашанти так и не завершился возникновением государства, она так и осталась на стадии парapolитейности.

Параполисы Дельты Нигера и гвинейского побережья

В качестве одного из вариантов парapolитейных обществ могут рассматриваться и так называемые работорговые города-государства Дельты Нигера (Варри, Брохеми, Бонни, Брасс, или Нембе, Овоме, Окрика, Опобо, Новый Калабар и др.). Они представляли собой относительно крупные поселения, состоявшие из кварталов, в каждом из которых локализовался хаус, или варри (букв. «дом, домохозяйство» на языке иджо), – своеобразная форма социальной организации, возникшая на базе большой семьи и имитировавшая большесемейные родственные отношения, ибо не все члены хауса были связаны реальным родством. Структура хаусов свидетельствует о том, что ее целостность в значительной степени обеспечивалась фиктивным родством, поскольку все социальные отношения строились по модели родственных и все чужаки, чтобы стать полноправными, должны были включаться в эту систему псевдорodственных отношений.

Каждый хаус выполнял одновременно функции торгового дома и военного отряда (в некоторых городах иджо возникла особая система каноэ-хаусов). Во главе городов стояли советы из глав хаусов и верховный правитель, которому принадлежала монополия на торговые связи с европейцами. Общество подразделялось на две устойчивые группы: свободных, среди которых уже выделилась знать, и невольников, но они использовались, как правило, лишь в качестве товара, а не объекта эксплуатации. Надстройка была явно парapolитейной, поскольку специализированных институтов принуждения еще не существовало.

Аналогичную структуру и специфику политической организации можно обнаружить и в ряде других «городов-государств» гвинейского побережья (Ардра, Вида и т. п.), а также на Золотом Берегу в некоторых фангийских ЭПО (Эльмина, Аномабу, Асебу, Виннеба и др.), где кварталы городов представляли собой локализацию военных отрядов асафо. Да и ашантийский оман Кумаси приобрел в процессе потестарно-политической эволюции многие специфические черты, не свойственные другим вождествам категории аманто, и по сути превратился в параполис, господствующий над данниками и протекторатами.

Таким образом, имеются достаточные основания для вывода о том, что на гвинейском побережье и в его внутренних районах в период работорговли сформировался особый тип раннеполитической организации – военно-торговый параполис. Появление такой формы параполиса вполне закономерно и исторически неизбежно, ибо ее возникновение вызвано не внутренними факторами развития, а потребностями трансатлантической торговли. Эти парapolитейные общества не имели необходимых материальных ресурсов для дальнейшего саморазвития и регулярный прибавочный продукт стали получать только с активизацией торговых связей с европейцами и особенно в период работорговли, в которой они участвовали в качестве посредников. Это обусловило ярко выраженный экспансионистский характер параполисов. Охота на рабов (и обложение соседей данью в виде рабов), борьба за контроль над торговыми путями от побережья во внутренние районы стимулировали постоянные войны. Поэтому война стала способом существования и превратилась в настоящий промысел, так как преобладали войны-грабежи (Попов 2015).

Поскольку война и торговля стали основными источниками получения прибавочного продукта и социального престижа, в социально-экономическом отношении рассматриваемые парapoлисы фактически превратились в паразитарные военно-торговые организмы.

Параполитейные общества гвинейского побережья Западной Африки развивались под мощным воздействием экзогенного фактора, который способствовал ускорению процесса классового образования через монополизацию организационных функций в военной и торговой сферах. Но эта монополия не переросла в монополию на средства производства, как это произошло, например, в Западном Судане, где параполитейное общество древней Ганы превратилось в итоге в раннефеодальную Сонгайскую державу (Куббель 1974). После запрещения работорговли исчезла сама основа существования военно-торговых парapoлисов Дельты Нигера, которые не смогли переориентироваться на торговлю другими товарами. Как стереотипно пишут многие исследователи, они распались или вернулись к исходному первобытному состоянию (наиболее доказательно этот процесс деградации показан О. С. Томановской на примере ЭПО Берега Лоанго [Томановская 1980]), хотя скорее они трансформировались в нечто третье, качественно иное. Однако этот вариант развития (?) практически не изучался и проблема в таком ракурсе даже не ставилась.

Параполисы Золотого Берега тоже не смогли переориентироваться, что привело к упадку и неспособности противостоять вторжениям ашантийцев, обладавших к тому же и монополией на торговлю золотом и слоновой костью с европейцами. В итоге это усилило зависимость парapoлисов Золотого Берега от англичан.

Этот процесс деградации в значительной степени был обусловлен спецификой товара, торговлей которым занимались парapoлисы. Невольники как товар не являлись продуктом общественного производства, их получали в виде дани, в результате военного захвата или просто покупали. Поэтому работорговля не только, точнее, не столько стимулировала развитие производительных сил, сколько вела в тупик, укрепляя тенденцию к застою экономики и к неустойчивости и нежизнеспособности политических институтов. И только Кумаси удалось переориентироваться на торговлю орехами кола, а мощная военная организация Конфедерации Ашанти сыграла свою роль в борьбе с Великобританией (знаменитые англо-ашантийские войны в течение всего XIX в.). Однако и ашантийский вариант парapoлиса не привел к созданию государства – помешала колонизация.

Очевидная специфика военно-торговых ЭПО Тропической Африки доколониальной эпохи вполне закономерно привела к обоснованию гипотезы о существовании особого африканского способа производства, сочетающего общинную экономику натурального производства с монополией политической надстройки на экстравертный (внешнеориентированный) обмен (Coquery-Vidrovitch 1969).

Однако, как представляется, нет оснований возводить указанную специфику в ранг особого способа производства. Фактически это один из возможных путей

вторичного развития политогенеза у синполитейных первобытных обществ в условиях специфического воздействия развитых классовых обществ в форме торговых контактов. Вторичность такого развития обусловлена тем, что оно возможно только при регулярных торговых связях с более развитыми обществами и экономическое развитие определяется не потребностями самого общества, а спросом на внешнем рынке, то есть получает импульс извне. Другими словами, торговля с европейцами выступает как базовый параметр развития, основной признак африканского парapolитейного общества.

Такой вариант развития, когда менее развитое общество переходит на более высокую ступень лишь отдельными элементами своей структуры (при сохранении абсолютно преобладающих предшествующих форм), уже получило название деформированного. Оно, как правило, ведет к форсированному формированию парapolитейной надстройки, уже не соответствующей экономическому базису и вступающей с ним в противоречивые отношения. Деформированный вариант общественно-экономического развития вполне отвечает постулату о возможности временного несоответствия (вплоть до острого противоречия) и автономизации надстройки от базиса, а затем и обратного воздействия на базис – как ускоряющего, так и тормозящего в зависимости от конкретно-исторической ситуации.

В условиях вторичного формационного развития надстройка, судя по всему, всегда выступает в роли главного системообразующего фактора. Однако в паразитарных обществах она оказывала минимальное воздействие (если вообще как-то влияла) на первобытно-общинный базис, поскольку в таком влиянии просто не было необходимости.

Вторичность процессов классово- и государствообразования и перехода от первобытного общества к раннеклассовому весьма типична для Тропической Африки (как, вероятно, и для мировой истории в целом), большинство доколониальных обществ которой (особенно в прибрежных районах) развивалось в условиях прямого, но чаще опосредованного воздействия более прогрессивных, классовых, обществ. И если для познания общих закономерностей перехода от первичной формации ко вторичной, генезиса государства и классового общества важно опираться на материалы тех этносоциальных организмов, которые не были (а если были, то в минимальной степени) затронуты внешним влиянием более развитых соседей (следует заметить, что довольно часто для реконструкции процесса становления первичного государства привлекаются материалы вторичных государств), то для понимания социальных и исторических процессов в предколониальной Тропической Африке необходимо сосредоточить внимание на исследовании именно тех ЭПО, которые испытали серьезное воздействие европейских капиталистических обществ и особенно форсированно развивались в период работорговли. Среди наиболее назревших задач – разработка типологии вторичных раннеполитических образований. Военно-торговые парapolитисы – одна из возможных таксономических единиц будущей исторической типологии.

Конфедерация Фанти как результат вторичного политогенеза

В качестве конкретной реализации еще одного таксона может служить Конфедерация Фанти (1868–1872), возникшая в результате совместной деятельности традиционной знати и вестернизированных аборигенов. Она представляла собой качественно иное по сравнению с военно-торговыми параполисами раннеполитическое образование, ибо ее создатели попытались объединить в рамках одного политического организма традиционные институты власти фантийцев с надстроечными институтами буржуазного общества. Так, по британской модели были созданы правительство, конфедеральная армия и суд, введено налогообложение населения, но самое главное – выработана конституция, вобравшая в себя многие элементы европейского парламентаризма (выборный президент, ассамблея депутатов в качестве законодательного органа и др.). Среди задач Конфедерации Фанти в конституции указаны социальные реформы, строительство дорог, создание школ, развитие сельского хозяйства, торговли и ремесел (подробнее см.: Попов 1990а: 214–216).

Однако прямое заимствование государственных институтов весьма развитого классового общества вряд ли могло привести к успеху, так как существовал огромный разрыв в уровнях социально-экономического развития. И если представители местной вестернизированной элиты были уже вполне подготовлены к восприятию ценностей европейской культуры и институтов буржуазного общества, то подавляющее большинство рядовых фантийцев и даже традиционные правители к этому явно не были готовы, что в значительной степени и обусловило неэффективность созданного политического механизма. К тому же новации затронули преимущественно конфедеральный уровень, в большинстве же омавов все оставалось по-прежнему.

Таким образом, Конфедерация Фанти – это предколониальный вариант становления вторичной государственности, разновидность деформированного развития под воздействием европейских держав (опосредованно – через местную европеизированную элиту).

Аналогичные раннеполитические образования, появившиеся в этот же исторический период у соседних га (Конфедерация, или Республика, Аккра) и у эгба (Объединенный совет по управлению, действовавший в Абеокуте в 1865–1872 гг.), также оказались искусственными. Производность таких параполисов обусловила их изначально зависимый характер, а механизм появления предколониальных вторичных государств демонстрирует общность основных тенденций этого процесса с генезисом современных постколониальных вторичных государств Тропической Африки.

Подобные потестарно-политические образования обнаружены в Ист-Индии (Молуккские острова) и у аборигенов Северной Америки, а также в Восточной Европе, в частности Древней Руси (так называемая «корпорация Русь», по Е. А. Шинакову [2002]). Все эти раннеполитические организмы можно отне-

сти к историческому типу военно-торгового парapolиса, возникновение которого обусловлено потребностями внешнеориентированного (экстравертного) обмена. Война стала способом их существования и превратилась в настоящий промысел, а торговля являлась источником получения прибавочного продукта и социального престижа.

К парapolитейным могут быть отнесены и так называемые вторичные племена, сформировавшиеся в синполитейных первобытных обществах в условиях межформационного взаимодействия с более развитыми соседями и – особенно – под влиянием европейских буржуазных обществ в эпоху Великих географических открытий и в Новое время, а также племена-конструкты, созданные в колониальный период во многих колониях европейских держав, практикующих косвенное управление, как инструмент колониального администрирования (в качестве примеров могут быть названы игбо в Нигерии и множество бантуязычных «племен» Танганьики), что подтверждает гипотезу М. Фрида о вторичности племени как потестарного организма.

Таким образом, парapolитейность (государствоподобность) – это результат вторичных политогенетических процессов, когда происходит опережающее развитие высших иерархических уровней управления и создается возможность для появления особого – парapolисного – состояния потестарных организмов, в которых политогенез так и не завершился образованием государства.

Теория парapolитейности позволяет решить политогенетическую контроверзу (появление государственности в доклассовом обществе, что противоречит постулату о синхронности классов- и политогенеза), рассмотрев парapolитейность как результат вторичного политогенетического развития.

Библиография

- Бондаренко Д. М. 1991.** Возникновение классов и государства и некоторые особенности их функционирования в докапиталистических обществах. *Концепции общественного прогресса. Точка зрения африканистов* / Ред. И. В. Следзевский, с. 141–165. М.: Ин-т Африки РАН.
- Годинер Э. С. 1982.** *Возникновение и эволюция государства в Буганде*. М.: ГРВЛ.
- Кочакова Н. Б. 1995.** Размышления по поводу раннего государства. *Ранние формы политической организации* / Ред. В. А. Попов, с. 153–164. М.: Вост. лит-ра.
- Куббель Л. Е. 1968.** К истории общественных отношений в Западном Судане в VII–XVI вв. *Африка в советских исследованиях. Ежегодник*. Вып. 1 / Ред. Ан. А. Громыко и др., с. 171–172. М.: АН СССР, Ин-т Африки.
- Куббель Л. Е. 1974.** *Сонгайская держава*. М.: Наука.
- Куббель Л. Е. 1987.** «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации. *Советская этнография* 3: 3–12.

- Попов В. А. 1982.** *Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования.* М.: ГРВЛ.
- Попов В. А. 1986.** Параполисные общества Тропической Африки. *История культуры народов Африки* / Ред. Р. Н. Исмагилова, с. 59–63. Ч. II. М.: Ин-т Африки РАН.
- Попов В. А. 1990а.** *Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. Проблемы генезиса и стадийно-формационного развития этнополитических организмов.* М.: ГРВЛ.
- Попов В. А. 1990б.** Политогенетическая контроверза и вторичные формы раннеполитической организации. *Африка: культура и общество. Этносоциальные процессы* / Ред. Р. Н. Исмагилова, с. 161–168. М.: Институт Африки РАН.
- Попов В. А. 1993.** Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в парapolитейных обществах. *Ранние формы социальной стратификации* / Ред. В. А. Попов, с. 132–144. М.: Вост. лит-ра.
- Попов В. А. 2015.** Военно-торговый парapolис как вариант становления вторичной государственности в предколониальной Западной Африке. *Торговля в этнокультурном измерении* / Ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко, с. 214–218. СПб.: Российский этнографический музей.
- Синицына И. Е. 1985.** Традиционные институты в работах африканских ученых (Дж. Сарба, Дж. Данква, Н. А. Оллену). *Изучение истории Африки: проблемы и достижения* / Ред. Б. Б. Пиотровский, Б. М. Туполев, с. 239–289. М.: ГРВЛ.
- Томановская О. С. 1973.** Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале. *Основные проблемы африканистики* / Ред. Ю. В. Бромлей, с. 273–283. М.: Наука.
- Томановская О. С. 1980.** *Лоанго, Каконго и Нгойо.* М.: Наука.
- Черных Е. Н., Венгеров А. Б. 1987.** Структура нормативной системы в древних обществах. *От доклассовых обществ к раннеклассовым* / Ред. Б. А. Рыбаков, с. 23–37. М.: Наука.
- Шинаков Е. А. 2002.** *Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект.* Брянск: Изд-во БГУ.
- Claessen H. J. M., Skalnik P. (Eds.). 1978.** *The Early Slate.* The Hague; Paris; New York: Mouton.
- Cohen R. 1985.** Warfare and State Formation. *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, M. E. Smith, pp. 276–289. South Hadley, MA: Bergin and Garvey Publishers, Inc.
- Coquery-Vidrovitch K. 1969.** Recherches sur un mode de la production africaine. *La Pensee* 144: 3–20.
- Eisenstadt S. N. 1959.** Primitive Political Systems: A Preliminary Comparative Analysis. *American Anthropologist* 61(2): 205–220.
- Fried M. H. 1960.** On the Evolution of Social Stratification and the State. *Cultural in History* / Ed. by S. Diamond, pp. 713–731. New York: Columbia University Press.

- Lloyd P. C. 1968.** The Political Structure of African Kingdoms. *Political Systems and the Distribution of Power* / Ed. by M. P. Banton, pp. 63–112. London: Tavistock.
- Popov V. A. 1988.** *Secondary Forms of Political Organization in the Ethnosocial History of Sub-Saharan Africa*. Moscow: Nauka.
- Price B. J. 1978.** Secondary State Formation: An Explanatory Model. *Origins of the State: The Anthropology of Political Evolution* / Ed. by R. Cohen, E. Service, pp. 161–186. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Southall A. W. 1953.** *Alur Society*. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd.
- Vansina J. 1964.** Comparison of African Kingdoms. *Cultural and Social Anthropology. Selected Readings* / Ed. by P. B. Hammond. New York; London: Collier, Macmillan.